

В. А. Лимерова
**«ЭТО — БАБА УСТЬ-СЫСОЛЬСК»:
 ОБРАЗ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. КУРАТОВА***

Особенностью творчества И. А. Куратова, положившего в середине XIX столетия начало коми поэзии, является активно выраженный автобиографизм: наделение героя комплексом личных переживаний, опора на события, извлекаемые из собственной судьбы. Стихотворение «Усть-Сысольск», анализируемое в данной статье, принадлежит к той части лирики поэта, в которой автобиографические приметы имеют прямой характер. Осенью 1865 г. Куратов решил круто переменить свою судьбу и покинуть родные места. Причиной этому был конфликт, разгоревшийся между ним и чиновничье-полицейской верхушкой города, не оценившей творческие возможности Куратова как просветителя, литератора, ученого. Неудовлетворенный своим положением, поэт оставляет учительскую должность в Усть-Сысольске, поступает на службу по военно-судебному ведомству и выезжает к месту своего нового назначения в Казань. Незадолго до отъезда и было написано стихотворение резко сатирического содержания, которое известный ученый-куратовед Г. И. Тираспольский охарактеризовал как «вспышку гнева, направленного против притеснителей».¹

Город пошлый, город грязный!
 Заместил твои концы
 Сброд какой-то безобразный,
 Подлецы все да глупцы!
 Из грязи без сквернословья
 Ног не вынешь! Пять домов,
 Храм один, а все сословья
 Ходят в двадцать кабаков!

¹ Тираспольский Г. И. Эхо пушкинской лиры. Сыктывкар, 1999. С. 6.

Лимерова Валентина Александровна — к.пед.н., с.н.с. сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар)
 E-mail: iuvab4@yandex.ru

* Работа выполнена при поддержке программы интеграционных фундаментальных исследований УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX вв.», №12-И-6-2021

Не дотронешься рукою,
 Словно ты харчок, нечист;
 Над большою над рекою
 Стал ты мал и неказист!

На твоих домах старинных
 Гриб растет, и шаг так скользк
 На твоих мостках бесчинных...
 Это — баба Усть-Сысольск!

Кто, болван, сожмет в охалке
 Брюхо Борьки? Кто, наглец,
 Пред Епальским станет в шапке
 Не краснея, наконец?

Кто имеет лоб свой уже
 Чем Левицкий, дух подлей?
 Кто растет его не хуже,
 Кто не лучше бьет людей?

Ты не гнул воловьею шею
 Пред наукой и умом,
 Строил им всегда траншеи...
 Скотским их давил ярмом!

Ты, уж всем известно, сплетник
 Препрославленный!
 Будь директор иль советник
 Неотставленный,

Как собака, ты порою
 В ноги кинешься;
 Добряки, так уж лисою
 К ним придвинешься...

Погрязай в рутине вечной,
 Город сплетен и клевет!
 Град пустынный, град увечный,
 Град — презрения предмет!²

Негативный образ Усть-Сысольска, представленный Куратовым в стихотворении, наряду с обстоятельствами, при которых оно создавалось, явились основанием для его трактовки советскими куратоведами как «памфлета, бичующего усть-сысольских чиновников».³ Вопрос о более значительном, чем просто злободневная сатира, содержании произведения был

² Куратов И. А. Менам Муза. Художественной гижод чукор. Сыктывкар, 1979. С. 331.

³ Федорова А. Н. Комментарийяс. Усть-Сысольск // Куратов И. А. Указ. соч. С. 558.

поставлен Г. И. Тираспольским, детально рассмотревшим связь «Усть-Сысольска» с русской художественной урбанистикой первой половины XIX в. Как указывает исследователь, произведение представляет собой антонимичное парафразирование стихотворения Ф. Глинки «Москва» («Город чудный, город древний...»), в результате чего создается образ, прямо противоположный образу белокаменной «матушки Москвы», вместившей «в свои концы / И посады, и деревни, / И палаты, и дворцы». Куратов фактически возвращает своего читателя и к хорошо известному стихотворению Пушкина «Город пышный, город бедный...», ставшему началом петербургской темы в творчестве великого поэта, и передает Усть-Сысольску отрицательный заряд пушкинского амбивалентного образа российской столицы. В состав текстов, питающих творческое воображение Куратова в период создания «Усть-Сысольска», Г. И. Тираспольский включает также произведения, которые послужили источником мотивов города-обидчика, города-призрака, — это пушкинские «Медный всадник» и «Пиковая дама» и «Петербург» А. Мицкевича.

Очевидно, в ближайший литературный фон «Усть-Сысольска» может быть допущено и стихотворение А. Григорьева «Прощание с Петербургом» (1846), написанное в сходной жизненной ситуации и воплотившее близкую идею города — «предмета презрения»:

Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой,
С твоим тщеславьем мелочным,
С твоей чиновнической ж...,
Которой славны, например,
И Калайдович, и Лакьер,
С твоей претензией — с Европой
Идти и в уровень стоять...
Будь проклят ты, е... м...!⁴

Если связь «Усть-Сысольска» со стихотворением Ф. Глинки воспринимается «на слух», то тексты Григорьева и Куратова совпадают в своем семантическом ядре: тот и другой организованы идеей неизбежного исхода поэта из непригодного для его жизни места. Конечно,

общность столь распространенной в европейской и русской романтической поэзии темы — еще не основание для сближения двух произведений. Однако в пользу переключки текстов Куратова и Григорьева свидетельствует ряд сопутствующих историко-литературных фактов, и один из них заслуживает особого внимания: Куратов начинает нелицеприятную характеристику города с эпитета «пошлый», а в русской литературе, имеющей огромный петербургский репертуар, эпитет «пошлый» применительно к городу на Неве впервые использовал именно А. Григорьев (на этот факт указывает Ю. Кошелевская⁵). Следует отметить, что категория пошлости у Куратова имеет объединительный, укрупняющий характер, включает все другие свойства усть-сысольской действительности, в чем отчетливо ощущается «сцепление» коми поэта с Н. Гоголем. Как пишет В. В. Зеньковский, в пошлости Гоголь бичует «не моральные дефекты, а что-то другое. Пошное, конечно, “ничтожно”... но это есть все же лишь частичное уяснение этого понятия. Пошное вызывает смех порой, но гораздо чаще — отталкивание, отвращение».⁶ Такое понимание пошлости во многом объясняет содержание сочинений Григорьева и Куратова: в обоих случаях все предметно-объектные детали и персональный состав «заряжены» не столько на осмеяние, сколько на «отталкивание и отвращение».

Предельная сниженность мира, помещенного поэтами в границы столиц России и Зырянского края, непосредственно чувствуется в избыточности телесных образов и деталей. Текст «Прощания с Петербургом» содержит однотипные назывные конструкции; в сухом перечне мест скопления людей («казарм, борделей и дворцов») выражена непрерывная, сплошная наполненность Петербурга человеческой плотью.

Если обратиться к социально-психологическим характеристикам названных в стихотворениях городских локусов, легко обнаруживаются общие признаки — пространственная замкнутость и жесткая регламентация человеческой жизнедеятельности. «Общества, которые принято называть цивилизованными, отличаются от традиционных наличием не только

⁴ Григорьев А. Прощание с Петербургом // Стихи о России: http://sssr.hut.ru/new_page_94.htm.

⁵ Кошелевская Ю. В. Образ Петербурга в поэзии Георгия Иванова и Осипа Мандельштама // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічний науки. Ч. 2. 2011. № 24 (235). С. 21.

⁶ Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь. СПб., 1994. С. 215.

храмов и библиотек, но также тюрем и казарм, — пишет современный антрополог, исследующий такую «экстремальную лабораторию», как казарма. — Люди в казармах представляют собой концентрированную в пространстве на продолжительное время человеческую массу, собранную и локализованную механически... Круг этих людей замкнут и постоянен. Они одеты в одинаковую форму, вместо имен им присвоены номера. Перемещение их тел в пространстве, перемена функций и даже поз регламентированы общим распорядком... Эта человеческая масса изолирована от гражданского общества, но внутри нее ни один из индивидов не имеет возможности уединения. Они вынуждены вместе не только работать, но также есть, спать, строем передвигаться по территории... одним словом, вместе быть».⁷

Такую же массу «человеческого концентрата» и жестко упорядоченную систему отношений мы видим в литературных описаниях публичного дома, постоянными атрибутами которого являются закрытость, «маскарадные» облачения женщин, замена настоящих имен вымышленными, беспрекословное подчинение хозяйке заведения («кабала») и посетителям, строгая регламентация быта и т. п.⁸

Сходной средой высокого «внутреннего давления» отличается и «владык жилище», оборачивающееся своими метонимическими двойниками — происходящими в его пределах действиями. Это балы и приемы, унаследовавшие символику «переодевания», маскарада, обмана и обезличенности, а также строгое исполнение ритуала. В совокупности эти признаки отражают явление, которое в XIX в. называли французским словом «рутина» (routine), имеющим значение «консервативность, рабское следование заведенному шаблону или известным навыкам, превратившимся в механическую привычку».⁹ Именно это рабское следование усвоенным раз и навсегда шаблонам оказывается «пошлым» уже в силу своего последовательного и многократно воспроизведенного однообразия и вызывает тот внутренний протест, который В. Н. Топоров называет ощущением «несовместимости с Пе-

тербургом» людей просвещенных, «способных к рефлексии», и, что более страшно и универсально, вскрывает «несовместимость этого города с мыслящим и чувствующим человеком, невозможность жизни в Петербурге».¹⁰

Это отрицание городом творческого, рефлектирующего и просто порядочного человека является побудительным мотивом стихотворений и Григорьева, и Куратова. Город мифологизируется, он воспринимается как живое существо, обладающее своей волей и привычками, несовместимыми со стремлениями поэта. Характеристики города, отмеченные Григорьевым («холодный и бесстрастный», «великолепный град рабов»), противопоставлены подразумеваемым чертам героя («горячий, страстный» и «свободный»). При этом эпитет «холодный» повторяется в стихотворении дважды: в начале «Прощанья...» он указывает на аристократическую, высокомерную холодность Петербурга, затем принимает значение душевной холодности города, бесчувствия к живому, телесному страданию («Своей холодностью ужасной к ударам палок и кнутов») и вместе с физиологическим образом «гнино-ясной» ночи передает inferнальную мертвенность города.

Такие признаки Петербурга, как «подлая царская служба», «мелочное тщеславие», характеризующие определенное социально-психологическое состояние города, также сопряжены с признаками соматическими («твоей чиновнической ж...»). Слово «ж...» имеет в русском языке сниженные коннотации: с одной стороны, это телесный низ, а с другой — символическая инверсия головы. В этом смысле «чиновническая ж...» противопоставлена «уму», мысли героя.

Кроме того, уподобление столицы-головы России «чиновнической ж...» привносит в ее образ половую определенность, подчеркивая ее женскую ипостась. Как известно, русская инвективная практика связана с понятием «выругать по матери», однако слово «мать» в составе обценных фразеологических оборотов используется не в своем универсальном значении: оно привязано, по мнению исследователей, к представительницам маргинальной культурной зоны.¹¹ Прибегая к исходной фор-

⁷ Банников К. Л. Люди в казармах. Антропологический парадокс // Индекс/Досье на цензуру: <http://index.org.ru/journal/19/bann19.html>.

⁸ См.: Мельникова Н. «Бордельное пространство» русской литературы (к вопросу о художественном воплощении локуса публичного дома) // Лит. учеба. 2010. № 1. С. 81–94.

⁹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1939. Т. 3. С. 1410.

¹⁰ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 12.

¹¹ См.: Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 344.

муле русского мата, Григорьев лишает столицу-женщину положительных женских статусов (матери, жены, сестры, дочери) и подчеркивает ее отрицательный статус блудлюбицы.

Другим общеизвестным свойством матерной брани является уподобление ее адресата нечистой силе, что и придает Петербургу Григорьева черты места, занятого нечистью. В такой репрезентации российской столицы А. Григорьев не был одинок. Исследователи «петербургского текста» русской литературы неоднократно указывали на синтез духовной растленности и демонизма, ставший знаком северной столицы: «Петербург, “дьявольское”, “гнилое” место, — воплощение городской цивилизации... Сам город — апокалипсическая Вавилонская блудница». ¹² В «Прощании...» А. Григорьев присоединяется к этому «общему месту» петербургской мифопоэтики, но вносит в нее и свежий, пронзительно личностный мотив: заключительное многоточие, за которым скрыто «крепкое словцо», подразумевает не только последний предел земного падения города-блудницы, но и отчаяние героя — обманутого и униженного жениха.

В «Усть-Сысольске» И. Куратова повторены все смысловые «изгибы» григорьевского стихотворения. В зырянской столице нет «казарм, борделей и дворцов», но ее пространство точно так же ассоциируется с нечистым местом, женским телом. Второе значение укрепляется прямой авторской сентенцией, которая властно врывается в перечисление отталкивающих примет «грязного и пошлого» города: «Это — баба Усть-Сысольск!». Портрет Усть-Сысольска тоже содержит «физиологические» детали, но, в отличие от А. Григорьева, коми поэт не прибегает к эмоциональным ресурсам непристойных выражений. Не определяющей, но существенной причиной отклонения бранных выражений может быть отсутствие обценной лексики в языке коми. Однако намек на сквернословную анафему городу текст все же содержит: «Из грязи без сквернословья / Ног не вынешь!» В качестве ругательства по этому используется и слово «баба», имеющее в своем обширном семантическом поле уничижительные значения. Так, соответствующая статья в современном для Куратова словаре В. И. Даля содержит указание на бранное использование данной лексемы («Бранно: жен-

щина большая, плотная, неуклюжая или дурная собой; злая, наглая, бранчливая»), что связано с амбивалентностью восприятия женского существа («бабничанье, бабленье, бабканье, бабченье — лечение травами, окуркою, заговорами»; «добабились до беды»¹³). В связи с нашей темой имеет значение и такой факт: в наиболее полных собраниях русской паремии, вышедших в середине XIX в.,¹⁴ «пословицы и поговорки про баб» имеют исключительно негативную оценочность, более того, среди них содержится немало изречений о тесной связи женщин с демоническими силами («Баба бредит, да чёрт ей верит», «Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке», «Где сатана не сможет, туда бабу пошлет»). Таким образом, названный бабой, «Усть-Сысольск» Куратова метафорически «наследует» и приписанную женскому полу способность вступать в контакт с ирреальным миром, тягу к чертовщине.

Инфернальные черты Усть-Сысольска находят также подтверждение в образах его обитателей. Поэт называет ряд конкретных черт, присущих жителям города, и даже фамилии реальных людей, однако ни тот ни другой прием не приводит к индивидуализации персонажей. Физические, а вслед за ними и душевные приметы усть-сысольцев приобретают смысл лишь в общем портрете, так как называются по принципу взаимодополнения: «в охапке брюхо», узкий лоб, воловья шея, сходный с собакой и лисой, увечный. Вырастает любопытная аналогия: в книжной и народной традиции эти приметы являются признаками бесовства. Оставляя за пределами данной статьи все многочисленные черты демонических персонажей, назовем лишь наиболее характерные: представители сатанинской армии имеют особые имена и заметные физические недостатки; часто изображаются в одинаковой, напоминающей униформу одежде; играют в карты, имеют пристрастие к спиртному; могут являться людям в обличье животных, издающих лай; признаком бесовской породы служит также короткая шея, остроконечная форма головы («востристая голова»).¹⁵ Заслуживает внимания и такая деталь: Куратов приводит настоящие фамилии «живых» чиновников, но пренебрегает ука-

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М., 1903. Т. 1. С. 81.

¹⁴ См.: Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848; Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1862.

¹⁵ См.: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 47.

¹² Безродный М. В., Данилевский А. А., Минц З. Г. «Петербургский текст» и русский символизм // Ruthenia: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html>.

зять реальное количество городских храмов и кабаков. Выражения «храм один» и «двадцать кабаков» являются в стихотворении литотой и гиперболой, что способствует возникновению еще одного ряда реминисцентных значений, связанных с представлениями о нечистой силе: как известно, церковные колокола ненавистны дьяволу, в то время как кабаки являются местом разгула греховных страстей, возбуждаемых нечистым. Храм и кабаки подтекстно противопоставлены по своей популярности среди горожан: в таком контексте, как «все сословья / Ходят в двадцать кабаков», выражение «храм один» прочитывается еще и как «храм одинокий», оставленный вниманием людей, редко посещаемый или не посещаемый всеми вместе. Единение усть-сысольского общества достигается на территории кабака, который становится метафорой Усть-Сысольска — оставленного Богом места.

Несмотря на употребление Куратовым общих для всех усть-сысольцев оценок, персонально названы лишь представители чиновничества. Поименованные персонажи получают статус основных действующих в городе сил, следовательно, именно они названы «сбродом». Вдумаемся в это определение — «сброд какой-то безобразный». Это некие мигранты, чужаки, не имеющие пространственной укорененности и постоянного облика, своего образа. Именно они овладели городом, «заместили» его концы, т. е. заполнили из конца в конец, стали «вместо» жителей. Их внешняя неопределенность является еще одним подтверждением их нечеловеческой природы: согласно христианской демонологии, демоны имеют «призрачную физическую суть», пустынность, так как «просто не способны долго удерживаться в границах какого-либо облика».¹⁶ Демонизм чиновничества не составляет литературного открытия Куратова. Данный

мотив широко распространен в отечественной классике XIX в. и находится в метафорической связи с образом погрязшего в грехах города, свидетельством чему может служить и выше рассмотренное стихотворение А. Григорьева. Усть-Сысольск, подобно Петербургу, предстает вмещением плотских и духовных нечистот, городом-блудницей, которым владеет демонический сброд чиновников. В целом, произведениям Куратова свойственны мотивы вечной борьбы Света с Тьмой, но анализируемое стихотворение является исключением из общего правила. Чиновничий город-баба Усть-Сысольск обнаруживает необратимую прельщенность темными силами, поэтому герой не только не питает надежды на его духовное обновление, но и жаждет его вечного наказания, отсылая читателя к образу «блудницы вавилонской». Связь куратовского Усть-Сысольска с библейским Вавилоном уже отмечалась исследователями. В частности, П. Лимеров указывает на то, что коми поэт «будто бы буквально следует библейскому тексту: “Пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу” (Откр., 18, 2)».¹⁷ Добавим, что такое восприятие Усть-Сысольска предопределило единственно возможное продолжение темы — неотвратимость спасительного исхода, бегства из погрязшего «в рутине вечной», враждебного творцу и творчеству пространства. В этом решении поэта, человека и художника, прочитывается еще одна библейская реминисценция: «Бегите из среды Вавилона и спасайте каждый душу свою, чтобы не погибнуть от беззакония его, ибо это время отмщения у Господа: Он воздаст ему воздаяние» (Иеремия. 51, 6). Обращаясь к Иеремии, поэт возлагает на себя миссию пророка, жаждущего заслуженного воздаяния отказавшемуся от Света, творчества обезбоженному Усть-Сысольску.

Ключевые слова: коми литература, творчество И. А. Куратова, литературный фон, образы города и поэта

Valentina A. Limerova

Candidate of Pedagogical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)

E-mail: iuva64@yandex.ru

¹⁶ Махов А. Е. Сад демонов — Hortus daemonum: словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 1998. С. 88, 192.

¹⁷ Лимеров П. Ф. И. А. Куратов: лейтмотивы творчества. Сыктывкар, 2001. С. 9.

“THIS IS — BABE UST-SYSOLSK”: IMAGE OF A CITY IN THE WORKS OF I. A. KURATOV

The article presents an analysis of “Ust Sysolsk” poem by a Komi poet I. Kuratov (1865). Though based on personal motives this work has a wider meaning than just a biographical illustration revealing links with the urban texts in the Russian literature, and with the wider romantic concept of a poet whose destiny is the eternal solitude.

Key words: *Komi literature, poetry by I. A. Kuratov, textual context, Image of the city, image of the poet*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Bannikov K. L.** Available at: <http://www.index.org.ru/journal/19/bann19.html> (accessed 11 February 2013). (in Russ.).
- Bezrodnyy M. V., Danilevskiy A. A., Mints Z. G.** Available at: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html> (accessed 11 February 2013). (in Russ.).
- Dal V. I.** Moscow: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Volfa, 1862, 1392 p. (in Russ.).
- Dal V. I.** St. Petersburg; Moscow: Tovarishchestvo M. O. Volfa, Vol. 1, 1903, 877 p. (in Russ.).
- Grigorev A.** Available at: http://sssr.hut.ru/new_page_94.htm (accessed 18 February 2013). (in Russ.).
- Koshelivskaya Yu. V.** *Vestnik Luganskogo natsionalnogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko. Filologicheskie nauki: sb. nauch. tr.* (Bulletin of Lugansk National University named after Taras Shevchenko. Philology: collected papers). Part 2, 2011, № 24 (235), pp. 20–26. (in Russ.).
- Kuratov I. A.** Syktyvkar: Komi knizhnoy izd-vo, 1979, 606 p. (in Russ.).
- Limerov P. F.** Syktyvkar: Komi NTs RAN, 2001, 32 p. (in Russ.).
- Makhov A. Ye.** Moscow: Intrada, 1998, 320 p. (in Russ.).
- Melnikova N.** *Literaturnaya ucheba* (Literary Studies). 2010, № 1, pp. 81–94. (in Russ.).
- Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa* (Mythological stories and legends of the Russian North). St. Petersburg: Izd-vo St. Peterb. un-ta, 1996, 401 p. (in Russ.).
- Mikhaylin V. Yu.** Moscow: NLO, 2005, 540 p. (in Russ.).
- Snegirev I. M.** Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1848, 503 p. (in Russ.).
- Tiraspol'skiy G. I.** Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo, 1999, 256 p. (in Russ.).
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Dictionary of Russian language). Moscow: gos. izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey, Vol. 3, 1939, 1424 p. (in Russ.).
- Toporov V. N.** St. Petersburg: Iskusstvo, 2003, 614 p. (in Russ.).
- Zenkovskiy V. V. N. V. Gogol** (N. V. Gogol). St. Petersburg: Logos, 1994, pp. 192–338. (in Russ.).